

И.С. Хугаев

Опыт популярной хрестоматии осетинской русскоязычной малой прозы: Г. М. Цаголов. «Эпизод из времени бунта в Осетии 1806 года»

И.С. Хугаев*

Сегодня мы предлагаем читателям литературное явление принципиально нового – для молодой осетинской литературы – типа. Если, как мы видели в предыдущей публикации – очерке И.Д. Канукова «Характерные обычаи осетин, кабардинцев и чеченцев» (1876) – материал излагается в нейтральной интонации (не считая отдельных элементов юмора) и, будучи лишен сюжета в привычном смысле этого слова, сводится к внешнему описанию этнокультурных обстоятельств, обычаев и предрассудков, то в дальнейшем осетинская литература, мужая и набирая силу, осваивает новые повествовательные формы.

Мы не случайно говорим о литературе как о живом существе, ибо так оно и есть: литература – это не совокупность текстов и не энное количество писателей, а стихия, которая, взаимодействуя с другими явлениями природы и истории, живет во многом по своим законам. Так, любая литература подобна реке (нашим, горным, особенно): сначала она – родничок, робко журчащий в расщелине скалы, потом – речка, затем – река, наконец, полноводный поток, низвергающийся в долину множеством шумных и пенящихся рукавов, орошающих предгорья и степи, чтобы они зацвели садами и виноградниками...

Но это еще впереди; сегодня мы застаем осетинскую литературу в тот момент, когда возникают первые прообразы настоящих, самостоятельных, суверенных жанров. Один из таких – и, пожалуй, самый выразительный и важный для дальнейшего развития осетинской письменной словесности – историко-этнографический рассказ. При ближайшем рассмотрении этот жанр представляет собой симбиоз исторического и этнографического очерка с собственно художественным рассказом, новеллой.

От классических художественно-исторических жанров (известных нам исторических романов и эпопей) эта литературная форма отличается не только малым объемом, но и тем, что здесь еще нет ни реальных топонимов, ни реальных исторических лиц, ни широко известных исторических событий, даже когда заголовок произведения содержит прямые указания на них, как рассказ Георгия Михайловича Цаголова (1871–1939) «Эпизод из времени бунта в Осетии 1806 года», впервые опубликованный в 10-м номере газеты «Северный Кавказ» за 1887 г.

Идеологическая установка данного жанра (на рубеже XX и XIX веков в Осетии было написано несколько произведений подобного рода) заключается в том, чтобы показать контраст между Осетией до прихода русской цивилизации и Осетией новой, просветительской эпохи. Драматические события основного сюжета не являются самоцелью и не представляют большой ценности ни с исторической, ни с художественной стороны: они только условно иллюстрируют тернистые тропы, которыми народ вступает в цивилизованную историю, и жертвы, на которые он идет во имя цивилизации и прогресса.

Здесь, конечно, налицо более или менее реалистические зарисовки осетинского быта и национальных характеров; при этом чисто этнографические задачи уже не преследуются (это уже не корреспонденция и не репортаж), автора интересуют более тонкие и отвлеченные материи, и он иногда явно пренебрегает требованиями этнографической корректности и местного колорита. Основной сюжет излагается, как мы увидим, стариком, тоже по-своему осетинским сказителем-кадаганом на традиционном нихасе; и этот-то старик называет горскую саклю, на месте которой к моменту повествования располагается аульная школа, избушкой. Горская избушка! какая непосредственность, какой трогательный анахронизм!..

По сути, мысль рассказа заключается именно в этом чудесном (в истории все чудесно) превращении древней осетинской сакли в школу, где теперь обучаются горские детишки – к ним и обращает свою речь повывавший виды старый воин-горец. И вот еще одно чудесное превращение: воин превращается в сказителя, поэта-гуманиста: старик Мусса, сам не окончивший ни одного класса, предстает перед нами не только свидетелем прошлого, но и вестником грядущего, учителем и просветителем.

Старец-осетин повествует о драматичных, кровавых событиях, о противостоянии и борьбе разных традиционных культур, народов и характеров, и нетрудно догадаться, на чьей стороне его симпатии; но было бы верхом несправедливости заподозрить здесь националистическую тенденцию. В конце концов, школа ведь уже стоит!.. – и ребяташки, со всех сторон обступившие старого Муссу, гораздо счастливее их сверстников, о которых он им рассказывает: прекрасный символ исторического оптимизма, живой связи и преемственности поколений.

* Хугаев Ирлан Сергеевич – д. ф. н., ведущий научный сотрудник ВНЦ РАН (shmiksel@rambler.ru).

Г.М. Цаголов. ЭПИЗОД ИЗ ВРЕМЕНИ БУНТА В ОСЕТИИ 1806 ГОДА¹

Был прекрасный летний вечер. Солнце бросало свои последние прощальные лучи на горы, и их седые вершины принимали пурпуровый оттенок. С горных ущелий подул свежий, холодный ветерок, и все население аула высыпало на улицу подышать отрадной прохладой после знойного, утомительного дня.

Около одного полуразвалившегося плетня собрался нихас². По обыкновению завелись разговоры о былых временах, о посевах, лошадях и т. п. После непродолжительного молчания все присутствовавшие на нихасе обратились к белому, как лунь, старику, не принимавшему дотоле никакого участия в разговоре, с просьбой рассказать им что-нибудь. Старик, которого звали Муссой, много выдавший на своем долгом веку, слыл в ауле за лучшего рассказчика. С первого разу Мусса обыкновенно не соглашался.

*В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят,
Сыны Кавказа говорят
О бранных, гибельных тревогах,
О красоте своих коней,
О наслажденьях дикой неги;
Вспоминают прежних дней
Неотразимые набеги,
Обманы хитрых узденей,
Удары шашек их жестоких,
И меткость неизбежных стрел,
И пепел разоренных сел,
И ласки пленниц чернооких.*

А.С. Пушкин.
Кавказский пленник

– Э, ну вас! Что вы пристали ко мне! Не рассказу, да и только.

Эта обыкновенная фраза ничуть не смутила просителей, и они с новым ожесточением принялись упрашивать старика:

– Бабай³, расскажи! Расскажи.

– Ну, уж так и быть, расскажу, да чтобы только это было в последний раз!

Все присутствовавшие на нихасе подсели к Муссе. Старик вытрусил из трубки золу, откашлялся и начал разбитым старческим голосом:

– Дело, о котором я хочу вам рассказать, было давно: мне было тогда только 13 лет. Видите, вон, где стоит теперь школа, в старенькой избушке жил дальний наш родственник Дабан с сыном своим Иналуком. Оба они были славные джигиты. Во всей Осетии и Кабарде нельзя было сыскать удалее их. Одно имя Дабана было страшно для русских, потому что никто столько не погубил русских, как Дабан с Иналуком. Не знаю, как, только прослышал русский паддзах⁴ о его делах и послал своего генерала с огромным войском схватить Дабана. Как теперь помню, был светлый весенний день. Мы, дети, играли на улице. Смотрим, с песнями вступают в аул русские солдаты и подходят прямо к нашему дому. (Отец мой на ту пору был старшиной в нашем ауле). Он вышел к русским на улицу и спросил:

– Что нужно вам?

– Ты здесь старшиной? – спросил офицер моего отца.

– Я.

– Так вот что, – начал офицер, – наш и ваш паддзах требуют, чтобы ты выдал нам проживающего в вашем ауле разбойника Дабана; если же ты не выдашь его нам, то мы посчитаем тебя как соучастника Дабана и поступим с тобой по своему усмотрению...

Неловко стало моему отцу: выдать – на дом его

¹ Бунт этот был усмирен генерал-майором Несветаевым в июле 1806 г. (Здесь и далее примечания Г.М. Цаголова. – И.Х.)

² Нихас – сходка.

³ Бабай (ос.) – дед.

⁴ Паддзах (ос.) – царь.

падет презрение одноаульцев, не выдать – пожалуй, русские поступят с ним плохо. Долго думал отец. Наконец, размыслил, что лучше потерпеть что-нибудь от русских, чем навлечь на дом свой презрение одноаульцев, и сказал русским:

– Не могу я выдать вам Дабана: законы Аллаха и наших отцов не позволяют мне делать такое дело.

– Так ты, значит, наши законы считаешь хуже каких-то законов отцов?

– А почему же не так!

– Взять его! Он бунтовщик! – закричал офицер.

Не стерпел отец: вся кровь закипела в нем, он выхватил кинжал и положил на месте первого солдата. Несколько минут стояли русские не двигаясь, так они были ошеломлены этим неожиданным поступком. Потом, опомнившись, офицер хотел было скомандовать схватить отца, но огромная толпа осетин устрасила его. Он смекнул, что тут надо взять хитростью.

– Зачем нам ссориться друг с другом, доблестные джигиты? Зачем нам из-за пустяков проливать кровь? Вложите ваши кинжалы в ножны и выслушайте меня. Мы посланы в ваш аул нашим и вашим папдзахом взять одного из вас, именно разбойника Дабана, как вредного члена вашего общества. За что он разоряет наши станицы на нашей земле? Никакого повода мы на это ему не подавали! Поэтому, джигиты, выдать нам его, и мы уйдем отсюда, не причинив никому никакого вреда. Или же мы вынуждены будем взять его силой. Старшину же вашего, как ослушника законам нашего папдзаха и бунтовщика, мы имеем полное право схватить сейчас же. Поэтому, ребята, берите его! – последние слова были обращены к солдатам.

Вдруг в это время раздался выстрел, и офицер повалился на землю. Все обратились в ту сторону, откуда раздался выстрел. Из толпы выходил Дабан... Глаза его страшно сверкали. Подошедши к моему отцу, он сказал:

– Спасибо тебе, Герей! Дух наших отцов еще не угас в тебе!

– Спасибо и тебе, Дабан! – и отец пожал мозолистую руку Дабана.

Потом Дабан обратился к толпе:

– Правоверные соотечественники! За мной! Бейте их! – И он с кинжалом в руке бросился на солдат, еще не оправившихся после смерти начальника.

Слова Дабана, видно, подействовали на толпу, потому что она с криком: «Смерть русским!» бросилась на солдат. Произошла резня. Долго победа не клонилась ни в чью сторону. Наконец, наши сломили русских многочисленностью – и ни один из тех русских не видел больше своей родины: все были перебиты.

Прошло после этой драки несколько дней. Наши знали, что такой поступок не пройдет им даром и что рано или поздно им придется отведать русской силы. Поэтому они размыслили, что лучше сделать набег на русскую землю теперь же, когда русские

и не думают, чем ждать их в свой аул. Дабан успел собрать за эти дни 200 лучших джигитов (в их числе и мой отец), назначен был срок к выступлению.

Утром в этот день пришел ко мне отец, поцеловал меня и сказал:

– Прощай, Мусса! Я еду воевать с русскими. На чьей стороне будет перевес, знает один лишь Аллах. Быть может, мы более не увидимся. Смотри, помни меня. – И он мне подал кинжал. – Сколько раз в боях, когда я подвергался опасности, всегда спасал меня вот этот кинжал! Ну, прощай! Не забывай меня. – Он в последний раз крепко-крепко поцеловал меня и вышел.

Первый раз в жизни почувствовал я тоску одиночества! Мне вдруг стало крепко жаль отца! Я заплакал и выбежал на улицу. 200 джигитов в это время стояли около нашего дома, готовые к отъезду. Отец садился на лошадь.

– Ну, все здесь? – обратился Дабан к джигитам.

– Все! – ответили ему джигиты.

– С Богом! Да поможет нам Аллах в нашем благом деле!

– Да поможет нам Аллах! – ответило на это двести голосов. Затем джигиты тронулись. В последний раз отец обернулся и что-то сказал. Ноги подо мной стали подкашиваться, я упал и лишился чувств.

Долго ли пролежал я так – не помню. Когда я пришел в себя, была ночь, луна медленно выплывала из-за гор. Я поднялся и оглянулся: вижу, недалеко стоит наш дом, дальше... тут я вспомнил все, сердце мое болезненно сжалось, и я зарыдал. Вдруг я почувствовал около себя что-то теплое и мохнатое! Я вздрогнул и оглянулся: около меня лежала наша овчарка Бераг. Я обнял ее и прошептал со слезами:

– Ты один остался у меня, верный мой Бераг!

Собака будто чувствовала мое одиночество и стала ласкаться ко мне. По целым дням после того я бродил в горах с Берагом. Товарищи смеялись надо мной, называли меня бабой, видя, как я грущу по отцу. Прежде любивший игры, я стал удаляться от товарищей; мое одно утешение было только бродить по горам с Берагом. Но увы!.. И это последнее утешение было отнято: товарищи убили моего верного Берага. Я рыдал, как ребенок, поцеловал его в потускневшие глаза и закопал за аулом.

Но вот проходит месяц, другой, третий с тех пор, как уехал отец, а об нем ни слуху, ни духу. Сердце мое сжалось от рокового предчувствия – и не ошиблось вещее. К концу четвертого месяца пришел ко мне Иналук, сын Дабана. Но в каком виде?! Оборванный, худой, без лошади! Он мне и рассказал, какая участь постигла наших удальцов.

«Две недели, – начал Иналук, – мы ехали, не встречая на пути войска русского папдзаха. И за это время успели разорить несколько станиц. Только к концу четвертой мы наткнулись на русский лагерь. Отец мой (Дабан) велел нам остановиться в

виду русского войска. Мы остановились. Из русского лагеря пришли переговорщики.

– Доблестные джигиты! – говорили они, – мы знаем, зачем вы оставили свои дома, жен и детей, знаем также, что вы сделали с отрядом, который прислан был к вам; но паддзах наш по милосердию простит вас, если вы выдадите нам виновников всего случившегося, Дабана и Герейя, и сложите свое покорное оружие. Мы кончили.

Тогда выступил вперед мой отец и сказал:

– Можете успокоиться, русские, все джигиты, которых вы видите пред собой, готовы скорее умереть, чем выдать меня или Герейя. Что же касается оружия, которое вы по какому-то праву требуете от нас, я скажу, что мы никогда не согласимся давать свое оружие встречному и поперечному. Я кончил. Можете передать все, что я сказал...

Русские вышли.

...На другой день в русском лагере заметно было движение: русские приготавлились к бою. Тогда отец мой скомандовал нам выстроиться и обратился к нам с такой речью:

– Джигиты! Все теперь зависит от вас! Умрем или возвратимся со свободой! За мной! Смерть врагу!

– Смерть врагу! – ответило ему на это 200 голосов.

И мы сшиблись с врагами. Произошла ужасная резня. Несмотря на все наши усилия, русские сломили нас, и все, все наши леги на поле сражения. Один только я остался. Но не думай, Мусса, что я, как трус, оставил сражение! О нет! Я отомщу, отомщу, отомщу!» – с этими словами Иналук вышел, и с тех пор я его никогда не видел.

Отомстил он или нет, я не знаю. Весть эта окончательно меня убила: до сих пор у меня была хотя слабая надежда на возвращение отца! Теперь же все, все потеряно. С тех пор я стал необщительным и угрюмым. Мне казалось, что все смеются, видя мое горе, я сердился, ругался, дрался; но меня никто не трогал, потому что считали за помешанного. Но, видит Аллах, я не был сумасшедший! Нет!

Старик кончил и, кряхтя, встал и поплелся домой. Разошлись и осетины. А уже была ночь. Ночная красавица-луна медленно плыла по темно-голубому своду, усеянному мириадами звезд; исполин Кавказа, Казбек, гордо поднимал свою седую голову над соплеменниками. Божественная кавказская ночь! Сколько дум, дум высоких, вызывает твоя прелесть!..

1887

Резюме. Теперь, когда Мусса закончил свой рассказ, с детской непосредственностью трактуя понятия благородства и верности, мне хочется положить ложку дегтя в бочонок цаголовского меда. Вспомним разговор храброго Герейя с русским офицером, именно его реплику (на ней держится главная нравственная мысль текста): «Не могу я выдать вам Дабана: законы аллаха и наших отцов не позволяют мне делать такое дело». Мы видим здесь классический пример коллизии между государственным законом и традиционным адатом (обычным правом); но если Герейя был, в своих драматических обстоятельствах, безусловно прав, то этого уже не скажешь о нас, современных осетинах, когда мы пытаемся оправдать свои намерения и поступки «заветами предков». Мы, когда нам выгодно, апеллируем то к Конституции, то к Ирон æгъдау (осетинскому этикету), а на деле часто не боимся ни Бога, ни Государства, ни Совести. Мы словно до сих пор не можем сделать выбор между законом и традицией и между школой и нихасом. Пусть же послужат нам примером цаголовские ребята: по утрам они ходят в школу, а по вечерам слушают старого Муссу.

POPULAR ANTHOLOGY
THE EXPERIENCE OF A POPULAR COMPILATION OF OSSETIAN
RUSSIAN-LANGUAGE SMALL PROSE: G.M. TSAGOLOV

I.S. Khugaev

Dr., Com, Leading Researcher, KNIO VSC RAS